

Ольга Алексеевна Василенко

Сибирский государственный университет путей сообщения,
старший преподаватель кафедры «Английский язык», Новосибирск, Россия
e-mail: vasilenko201076@mail.ru

Французский язык как фактор социокультурных перемен в России XVIII–XIX веков

Аннотация. В статье предпринята попытка выделить языковую составляющую в процессах социокультурной трансформации, носивших в России XVIII–XIX вв. глобальный характер. Методология исследования основывается на представлении о языке как активном факторе формирования культурного ландшафта, отражающем, активирующем и усиливающим культурные процессы; это позволяет выделить в рассматриваемых изменениях относительно самостоятельную языковую составляющую.

Ключевые слова: философия языка, функции языка в культуре, протагонист.

Olga A. Vasilenko

Siberian Transport University, Senior Lecturer of English Language Department, Novosibirsk, Russia
e-mail: vasilenko201076@mail.ru

French Language as Factor of Social and Cultural Changes in Russia in the 18–19th Centuries

Abstract. The article makes an attempt to identify the linguistic component in the processes of social and cultural transformation having been global in Russia in the 18–19th centuries. The research methodology is based on the idea of language being an active factor in the formation of the cultural landscape that reflects, activates and enhances cultural processes; this allows to identify a relatively independent linguistic component in the discussed transformations.

Keywords: philosophy of language, functions of language in culture, protagonist.

Введение (Introduction)

История России в XVIII–XIX вв., как отмечают многие исследователи, была эпохой фундаментальных геополитических, экономических и социокультурных трансформаций и всесторонней модернизации бытия страны. В этот период Россия пережила и несколько волн проникновения в ее социокультурное пространство иностранных языков. Если в эпоху Петра I адаптация отечественного социума к новым ценностным ориентирам, идентификационным стилям и к новым культурным реальностям под воздействием голландского и немецкого языков носила административно-принудительный характер и может быть охарактеризована как своеобразная «социокультурная интервенция», то влияние французского языка (начиная с екатерининской эпохи) оказалось, по нашему суждению, более сложным, многоплановым и, возможно, более позитивным [1, с. 31]. В данной работе мы попытаемся провести социокультурную реконструкцию некоторых моментов становления и развития российского государства в XVIII–XIX вв. с акцентировкой роли иностранного языка в происходящих социокультурных изменениях.

Методы (Methods)

В основе нашего исследования лежит фундаментальное для современной философии языка положение о том, что в культуре язык выступает не только как средство выражения складывающихся и утверждающихся независимо от него идей, но и как инструмент конструирования культурной семиосферы [2]. Так, вводя обозначения новых реалий, язык не только отражает их появление, но и фиксирует их в качестве новых фактов бытия человека и составляющих жизненного мира культуры, превращая тем самым в «нормальные» (привычные, освоенные) условия жизни. Соединяя обозначения тех или иных объектов социокультурного мира с оценочными смысловыми оттенками, язык задает устойчивые, воспроизводящиеся в культуре способы их восприятия. Поддерживая определенную грамматическую структуру высказываний, язык тем самым структурирует наши представления о мире. Формируя клишированные способы говорения о различных социокультурных феноменах, язык закрепляет и транслирует каноны их осмысления. Соответственно, представляется возможным утверждать,

что языковые процессы не только отражают происходящие в обществе и культуре перемены (что также немаловажно для осмысления последних), но и играют в них более активную роль, закрепляя и даже активизируя некоторые линии изменений и не поддерживая другие [3]. Как это происходит, мы и постараемся показать, рассматривая взаимосвязь между некоторыми моментами социокультурного развития российского общества в XVIII–XIX вв. и особенностями распространения в нём в этот период французского языка.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Прежде всего следует отметить, что активное распространение французского языка в описываемый период в России, как и в ряде европейских стран, не было случайным. Рассматривая динамику европейской культуры в эту эпоху, О. Шпенглер указывает, что «центр тяжести» европейского исторического ландшафта XVIII в. сместился в сторону Франции, преемницы испанской культуры; это было обусловлено «неким смыслом невидимой истории» [4, с. 25], и Европа, вступая в обозначенный культурно-исторический период в «значительную стадию культуры», «достигла во французском культурном ландшафте высочайшего подъема» [4, с. 30]. Французский культурный ландшафт XVII–XIX вв. представлял собой своеобразный «культурный перекресток», аккумулирующий в себе и транслирующий на всю Европу, казалось бы, несовместимые культурно-исторические традиции и стили, а именно: прогрессивную немецкую философскую мысль, арабскую культуру, итальянский гуманизм, китайские культурные традиции и литературу и т. д. По сути, французская «культурная гегемония» [5, с. 337] во всех значимых областях искусства, литературы, философской мысли, политической культуры носила на самом деле характер «культурного синтеза», что и позволило ей определять духовно-ценностные и ментальные установки эпохи в целом. Этому способствовало и произошедшее в данный период оформление самого французского языка: по мысли О. Шпенглера, именно в данную эпоху «языки делаются культурными языками» [4, с. 251], обретая внутреннее трансцендентное содержание и ценностное основание эпохи классицизма. Франция XVIII в., «впитавшая в себя культурные токи» [6, с. 212] всей Европы, заставила европейскую культуру «заговорить» ее языком.

Это и предопределило в России XVII–XIX вв. «социокультурную миссию» [7, с. 94] французского языка, воплотившего в себе классические культурные европейские традиции. С одной стороны, французский язык выступил не только проводником собственно французского влияния, но и языком межнационального общения. В результате французский язык, осуществляя фундаментальное воздействие на социокультурные основания отечественного социума, открыл новую страницу отношения русской культуры с европейской. Выполняя свою инструментальную роль, он способствовал знакомству отечественного элитарного сословия с классическими европейскими культурными традициями XVI–XVII вв.

С другой стороны, европеизация отечественного культурно-исторического пространства второй половины XVIII — XIX в. начала осуществляться именно в том стиле,

который ретранслировал французский язык и его культурные особенности, с присущим им менталитетом, формами жизнеустройства и, в особенности, духовно-ценностными ориентирами и установками. Огромный пласт французских понятий вошел в русскую культуру и остался там неизменно, принеся свои изменения в быт, одежду, словесность, законы, в сферу государственного строительства и сферу торговых отношений, воинского дела, в культуру межличностного общения.

Так, в указанный период под влиянием французского языка появились новые слова и выражения, описывающие русский быт, а также новые предметы одежды, повседневного обихода, как например: абажур, аграманты (узорчатые плетения на головном уборе), аксессуар, альков, пальто, пантуфли, папильотка, картон, культура, артист, салон (зала, гостиная), салоп (верхняя женская одежда), салфетка, сервиз, сюртук, багаж, бал, банкет, балюстрада, бонбоньерка, бордюры, борт, ботинки, будуар, бульвар, бутылка, буфет, бюджет, бюллетень (журнал), ваза, вальс, визави (пара, дружка), визит, виньетка, витрина, волонтер, галиматья, гардероб, гардина, горельеф, гофрировать, гримаса, дантист, дама, дебют, дежурить, делегация, деликатный, дилижанс, душ, женировать (доставлять беспокойство), жезл, жетон, жилет, журнал, институт, интервал, интерес, интрига, каданс (ритм), кадет, кадрили, каналья, канделябр, канитель, канонир (пушкарь), капюшон, каприз, карикатура, каркас, каска, карьер, картуз, кашне, кокарда, кокетка, коклюш, кокон, колер (окраска, цвет), коленкор, колет, коммерция, комитет, комод, компактный, комплект, компрометировать, коммуникация, консерватор, контра, контора, контракт, контраст, контрибуция, контур, конформация, конфузить, кордон, корреспонденция, коридор, корсет, кортеж, костюм, кошмар, креп (ткань), куверт (конверт), курс, курьез (любопытство), кушетка, локомотив, марка, маркировать, манеж, мармотка (оборка на шляпе), маска, маскарад, маскировка, мебель, медаль, медальон, мелодия, меломан, меморандум, менуэт, меркантильный, мизер (карточная игра), мизерный, мода, модник, модница, мораль, морена (гряда валунов), моцион, ниша, одеколон, оказия (случай), оконфузить, ориентироваться, орнамент, отель, отрекомендовать, пакет, палисад, палитра, пардон, партер, партия, парфюмер, пассаж, пассажир, пассия, педант, пейзаж, пенсион, пеньюар, персона, пика, пионер, платформа, плие, портмоне, португепя, портьера, прокламация (объявление), пропорция, проспект, профиль, профан, пудра, пунсон (метка, печать), рампа (в театре низкий щит, закрывающий лампы), рандеву, ранг, реверанс, ридиколь и т. д. [8].

Развитие технологий, особенно в военной сфере, способствовало появлению новых терминов, таких как авангард, аллюр, арбалет, армия, артиллерия, сапа (траншея), сержант, баталия, батарея, бригадир (военный), бригада, галоп, гвардия, десант, дежурить, интендант (начальствующий частью), канонир (пушкарь), кордон, манеж, офицер, парашют, португепя, портьера, прокламация (объявление), ранг, резерв, резидент (посланник), рекреация (отдых от службы), рельеф, реляция (донесение о военных действиях), ситуация (местность, местоположение), тильбюри (коляска для одной лошади), траверс (поперечный вал,

защита от пуль), транспорт, траншея, трейбофень (разделительный горн на серебро), флешь (стрельчатое укрепление), флот, фонд, фонтан, фонтанщик, фон (грунт), фронтон, фронт, фузея (мушкет, ружье), фураж (сухой корм для лошадей), шифр, шпион, эксплуатация [8].

Знакомство с новыми веяниями в художественной культуре принесло новый пласт таких понятий, как скульптура, архитектура, ателье, вернисаж, выставка живописи, галерея, гуашь, жанр, мастерская, мастер, натюрморт, нюанс, овал, оттенок, палитра, пейзаж, пленэр (зарисовки на природе), портрет, учитель, шедевр [9, с. 98].

Трансформации также претерпела и лексика сферы питания, кулинарии. Наименования многих французских блюд и напитков до сих пор используются в русском языке: аперитив, батон, бульон, десерт, котлета, крем, рагу, десерт, мармелад, пломбир, лимонад, бланманже, соус, желе, коньяк, кофе, кафе, ресторан, шампанское и т. д. [10, с. 187–190].

Прочно вошла в обиход и стала востребованной французская лексика из области театрального искусства: бельэтаж, партер, сюжет, балет, пуанты, актер, артист, пьеса, роман, суфлер, спектакль, амплуа, антракт, жанр, роль, репертуар, рампа, реверанс и др. [8].

Уже самого перечисления этих и других заимствований достаточно, чтобы сделать вывод о том, что распространение французской лексики затрагивало все стороны российской культуры, включая материальную и художественную, а также культуру быта, культуру повседневности. Новые явления, обретая в речи общества названия, становились тем самым знакомыми, понятными, привычными; обретали свое языковое закрепление.

В более широком плане можно заметить, что в целом российское Просвещение испытывало влияние французских идей, в первую очередь Вольтера, Руссо, Гельвеция, Монтескье [10, с. 117]. Их произведения широко читались в подлинниках, а с середины века начинается активный перевод произведений Вольтера, а затем и Руссо, Дидро, Гельвеция, Гольбаха, Рейналя, Мабли. Переводы публикуются как отдельными изданиями, так и в журналах. За время царствования Екатерины II было переведено и напечатано около 60 произведений Вольтера. Среди переводчиков Вольтера было много крупных русских писателей (например, А. Сумароков, И. Богданович, М. Херасков, Я. Княжнин, Д. Фонвизин и др.) [10, с. 117]. В результате происходит широкое распространение в том числе и социально-политических идей французского Просвещения. Философские и политические идеи французских просветителей проникают в преподавание многих учебных заведений, в Московский университет, кадетские корпуса [11, с. 245]. Вспомним также традиции обучения в Царскосельском лицее, где «царствовал радикально-ценностный идеал Французской революции, вплоть до республиканских идей в самом радикальном изводе и откровенного либертинажа» [12, с. 430]. В этом процессе освоение образованным дворянским сословием французского языка и освоение им новых идей оказались неразрывно связанными. В. О. Ключевский отмечает, что Екатерина II «пригласила воспитателем великого князя Александра швейцарца Лагарпа, открыто поведавшего свои

республиканские убеждения, чтобы воспитать внука в духе времени» [13, с. 158].

Французский язык, выполняя культурно-преобразовательную миссию, воспроизвел вместе с тем в отечественном социуме феномен «западного учителя». Дворянство в этот культурно-исторический период в своем стремлении как можно быстрее приблизиться к европейской культуре и освоить французский язык, являющийся знаком образованности, принадлежности к элите, «высшему достоинству» [6, с. 212], приглашало для обучения своего потомства в основном носителей языка. По сути, новые учителя не имели какого-либо образования, а становились ими в силу культурно-экономических и социальных причин. Выбранное элитой XVIII в. средство образования в лице людей «первого привоза» [13, с. 157] представляло собой полулюмпенизованное население без устойчивого социального положения на родине, продуктивное лишь в качестве носителей иностранных языков: конюхи, парикмахеры, бывшие солдаты, грибоедовские «искусницы модных лавок» и т. п. [14, с. 205]. Однако впоследствии многие из западных учителей ассимилировались под воздействием русской культуры и работали на государственной службе, делали карьеру, получали дворянство. Уже к следующему уровню принадлежат западные учителя «второго привоза» [15, с. 643], которые действительно выступили проводниками классической европейской литературы и новейшей философской мысли и, ассимилируясь, становились преподавателями высших учебных заведений, государственными деятелями, наставниками в самых знатных домах (например, Салтыковых, которые, следуя примеру императрицы в выборе проводников образования, пригласили брата Марата для воспитания наследников). Можно предположить, что истоки амбивалентного отношения российского общества к западным влияниям, колеблющегося между восторженным принятием и ироническим сомнением, отчасти лежат именно в данной ситуации, когда в условиях активного и востребованного вхождения французского языка в российское социокультурное пространство среда его носителей и одновременно проводников культуры оказалась крайне неоднородной.

Осваивая европейские культурные парадигмы и новейшие идеи Просвещения, отечественное образованное сообщество воссоздало оригинальный тип культуры в новом историческом ракурсе и новый интеллектуальный языковой дискурс, «встроив» западные культурные модели в национальную культуру. Многомерная и яркая отечественная культура «золотого века» была «в той же мере русской, в какой и европейской» [7, с. 128], она имела «европейскую форму и одновременно независимую от Запада» [16, с. 18] и была наполнена исконно русскими духовно-ценностными установками. Благодаря новому своеобразному типу культуры Россия в этот культурно-исторический период смогла полноценно участвовать в европейской духовной жизни, «заявить» о себе и выстраивать отношения с западными культурами в форме двустороннего диалога. По оценке В. В. Вейдле, Европа XIX в. начала не только «отдавать» свою культуру, но и «принимать» персонифицированную отечественную культуру в «стихийных жизненных и творческих силах» великих русских поэтов, писателей, композиторов,

которые возвратили Европе заимствованное, «одаривая ее при этом чем-то для нее неизвестным» [16, с. 17]. «Русская культура вытекает из европейской и, соединившись с Западом, себя построив, возвращается в нее, Россия — только одна из европейских стран, но уже необходимая для Европы, только один, но уже неотъемлемый голос в хоре европейских голосов» [16, с. 17], — отмечает В. В. Вейдле. Таким образом, языковое взаимодействие в этот период также открыло новую страницу отношений российской культуры с европейской: заговорив в том числе и на европейских языках, она открыла себя Европе.

Наконец, «культурная экспансия» французского языка послужила в России дополнительным фактором, усугубившим еще одну линию социокультурной трансформации. Французский язык, выступая инструментом как разнонаправленного воздействия на социум, так и трансляции нового культурного опыта в его культурно-историческое пространство, в силу границ круга его изучения смог реализовать эти задачи только на уровне дворянского сословия и не «спустился» в нижний слой. В результате, особенно в тех случаях, когда аристократия полностью отказывалась от национального языка в пользу французского, это приводило не только к кардинальному разрыву с прежними культурными традициями, духовными и ментальными основаниями России, но и к углублению пропасти между социальными слоями, представители которых не фигурально, а буквально говорили на разных языках. Л. Н. Толстой культурологически точно описывает в романе «Анна Каренина» нравы и обычаи дворянских домохозяйств, в которых через день говорили то по-французски, то по-английски [17, с. 42], осуществляли эпистолярную деятельность на французском языке и, разумеется, переходили на французский в присутствии прислуги [17, с. 218], представляя тем самым те глубинные и уже почти необратимые трансформации, повсеместно происходившие в обществе того времени. В том числе и благодаря языковому разрыву аристократия, прежде всего в собственных глазах, превращается в социальный слой с особой «кастовой обособленностью» [18, с. 283–284], репрезентируя как бы новый антропологический тип с присущим ему отрицанием национальных культурно-ценностных парадигм.

«Нет, совсем нет, совсем не одна нравственная, а прямо физическая природа моя выше мужицкой; я телом выше и лучше мужика, и это произошло от того, что в течение множества поколений мы перевоспитали себя в высший тип» [18, с. 39], — заявляет помещик, один из героев Ф. М. Достоевского, подчеркивая свое антагонистичное отношение к «простому народу».

Заключение (Conclusion)

Итак, мы можем констатировать, что французский язык в России XVIII–XIX вв. оказался важнейшим инструментом реформ и «проводником» новых культурных ценностей, идеалов и традиций, новых стилей и форм существования, а также новых принципов и стандартов поведения, поддерживая и усиливая тенденции социокультурного развития, имеющие, конечно, и другие детерминанты. На наш взгляд, роль французского языка в российской культуре данного периода может быть достаточно адекватно определена через метафору *культурного протагониста*.

Протагонист как герой художественного произведения — это главное действующее лицо, движущая сила сюжета. Он не совершает все присутствующие в сюжете действия сам, и его влияние не всегда является положительным, но сюжетные перипетии так или иначе с ним связаны: он их запускает (иногда отдаленно), влияет на их ход, встречается с их последствиями. Язык как протагонист, попадая в новое социокультурное пространство, становится проявителем и «спусковым крючком» новых культурных явлений и процессов, понуждая культурное пространство изменяться вокруг себя и, как следствие, заставляя социум «пробовать» на себя новую культурную идентичность, новые ментальные коды и духовно-ценностные ориентиры. Он может как способствовать разрушению прежних культурно-ценностных парадигм, продуцируя деградацию устоявшихся культурных оснований социума, так и создавать мощный импульс к дальнейшему развитию и совершенствованию культуры. Есть все основания полагать, что в России указанного периода французский язык сыграл роль такого культурного протагониста, сопровождая и поддерживая утверждение принципиально новых культурных моделей и ориентаций.

Библиографический список

1. Василенко О. А. Актуализация воздействия языкового трикстера в новых социально-политических условиях России (на примере России XVIII века) // Грамота. 2017. № 10 (84), ч. 2. С. 26–32.
2. Mazzocchi F. Diving Deeper into the Concept of 'Cultural Heritage' and Its Relationship with Epistemic Diversity // Social Epistemology. 2022. No. 36 (3). P. 393–406. DOI: 10.1080/02691728.2021.2023682
3. Hagen K. Are 'Conspiracy Theories' So Unlikely to Be True? A Critique of Quassim Cassam's Concept of 'Conspiracy Theories' // Social Epistemology. 2022. No. 36 (3). P. 329–343. DOI: 10.1080/02691728.2021.2009930
4. Шпенглер О. Закат Европы. Ростов н/Д. : Феникс, 1998. 640 с.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. : в 3 т. М. : Весь мир, 2008. Т. 1. 672 с.
6. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2014. 416 с.
7. Соина О. С., Сабиров В. Ш. Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского : моногр. М. : Флинта : Наука, 2015. 312 с.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1981. Т. 1. 699 с.
9. Сидакова Н. В. О роли франкоязычных заимствований в лексикологической системе русского языка // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 96–100.
10. История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века. М. : Наука, 1981. 374 с.
11. Гукровский Г. А. Русская литература XVIII века. М. : Учпедгиз, 1939. 529 с.

12. Кобеко Д. Ф. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы, 1811–1843. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1911. 554 с.
13. Ключевский В. О. Соч. : в 8 т. Т. V : Курс русской истории. М. : Изд-во соц.-эконом. литературы, 1958. Ч. V. 503 с.
14. Грибоедов А. С. Избранное. М. : Правда, 1985. 432 с.
15. Ключевский В. О. Избранные лекции «Курса русской истории». Ростов н/Д. : Феникс, 2002. 671 с.
16. Вейдле В. В. Задача России. Минск : Изд-во Белорус. правосл. церкви, 2011. 512 с.
17. Толстой Л. Н. Анна Каренина. М. : Художественная литература, 1976. 796 с.
18. Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избранные страницы / вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. М. : Современник, 1989. 557 с.